УДК 94(410)”13”:391

Одежда и предметы текстиля как объект дарения и наследования в Англии XIV столетия

Софья Б. Курская
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург», Санкт-Петербург, Россия, sb.kurskaia@edu.hse.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу одежды и элементов текстиля как предметов наследования в завещаниях англичан XIV в. Наряду с устоявшейся традицией изучения завещаний как источника по экономической и правовой истории в настоящей статье предпринимается попытка выявить социальные и культурные функций вещей. Одежда и текстиль понимаются не как утилитарное имущество, а как средство, с помощью которого завещатель фиксировал семейные и корпоративные связи, а также транслировал свой статус в условиях складывающейся городской культуры и зарождающейся системы моды. Исследование строится на материале 193 завещаний, зарегистрированных в Хастингском суде Лондона в 1301–1400 гг., в которых встречается упоминание одежды и предметов из текстиля. Основная группа завещателей состояла из обеспеченных торговцев и ремесленников, имеющих в собственности недвижимое имущество. Основное внимание уделяется не столько типам передаваемых вещей, сколько категориям адресатов в завещаниях и динамике упоминаний одежды и текстиля. Выбранный ракурс позволяет представить завещательные акты как источник, фиксирующий систему ценностей и социальных приоритетов горожан Лондона XIV в.

Ключевые слова: завещание, одежда, текстиль, Лондон, суд Хастинга, наследование

© Курская С.Б., 2026

Для цитирования: Курская С.Б. Одежда и предметы текстиля как объект дарения и наследования в Англии XIV столетия // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 9-30.

Clothing and textiles as an object of gifting and inheritance in 14th century England

Sofia B. Kurskaia
National Research University "Higher school of economics – Saint Petersburg", Saint Petersburg, Russia, sb.kurskaia@edu.hse.ru

Abstract. The article examines clothing and textile items as objects of inheritance in the wills of 14th century England. Along with the established tradition of studying wills as a source of economic and legal history, this article attempts to identify the social and cultural functions of things. Clothing and textiles are interpreted not as utilitarian property, but as a multifunctional instrument through which the testator consolidated familial and corporate ties, and articulated his status against the backdrop of an evolving urban culture and an incipient fashion system. The research draws upon a corpus of 193 wills registered in the Husting Court of London between 1301 and 1400, which contain references to textile items. The majority of testators were affluent merchants and craftsmen who owned real estate. The analysis focuses not so much on the types of objects bequeathed, but rather on the categories of recipients specified in these wills and on the chronological dynamics of references to clothing and textiles across the period. This perspective allows the wills to be regarded as a source that captures the value system and social priorities of the citizens of medieval London.

Keywords: will, clothing, textiles, London, The Husting Court, inheritance

For citation: Kurskaia, S.B. (2026), "Clothing and textiles as an object of gifting and inheritance in 14th century England", *Young Historian*, no. 3(7), pp. 9-30.

Область исследования одежды пользуется вниманием исследователей различных научных областей. Работы, посвященные анализу предметов гардероба, можно встретить как у историков костюма и теоретиков моды, так и у этнографов и историков повседневности. Отдельное внимание исследователей привлекает история средневекового костюма и его роли в обществе. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть предметы одежды и текстиля как объекты дарения в завещаниях англичан XIV столетия.

Завещания представляют собой уникальный источник, в котором человек засвидетельствован в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Тексты завещаний по своей функции содержат распоряжения о месте похорон, инструкции по отпеванию и передаче имущества, что прямо указывает на подготовку к смерти (вне зависимости от того, является ли эта подготовка делом срочным или чем-то привычным для современников завещателя). Но в то же время документы наполнены упоминанием людей и предметов, свидетельствующих о деятельной жизни человека. Из всех вещей одежда служит наиболее ярким отражением повседневной человеческой жизни, поскольку через демонстрацию своего костюма человек удовлетворял потребность в украшении собственного тела и утверждении ценности земной жизни [Липовецкий 2012, с. 73].

Внимание к предметам одежды и текстиля можно отсчитывать с момента, когда историческая наука отказывается от рассмотрения только социально-экономических структур и политических событий, обращаясь к источникам за ответами на вопросы о самоощущении, идеях и чувствах человека эпохи. Начало процессу смещения фокуса историков на систему ценностей людей прошлого было положено первым поколением школы Анналов. Л. Февр и М. Блок, а затем их последователи пересмотрели подход к историческому знанию: по их мнению, историк должен был заставить немые предметы говорить, чтобы те свидетельствовали о ментальности, интересах, психике и мировоззрении создавших их людей. [Бродель 2007, Ле Гофф 2005, Делюмо 2006]. Разработанный «новыми историками» подход к рассмотрению материальной культуры продолжает активно

применяться в исторических исследованиях. Для настоящей статьи было выделено четыре группы работ, которые выступают теоретической опорой для анализа.

Во-первых, это работы, посвященные анализу средневекового общества, его экономики, культуры и сознания людей эпохи [Сванидзе 2013, Пастуро 2001, Кокорева 2024, Колганова 2022, Pirenne 2015]. Во-вторых, исследования сосредоточенные на изучении устройства английских средневековых городов, структуре их общества и укладу жизни [Мосолкина 2017, Праздников 2007, Репина 1979, Чернова 2016]. В-третьих, тексты полностью или частично сосредоточенные на изучении одежды и ее значении в обществе [Липовецкий 2012, Гурьянова 2023, Леонова 2020, Савчинский, Ильичев, Ситало 2018, Jones, Stallybrass 2000]. Отдельно стоит отметить монографию Дж. Ли, внесшую значимый вклад в изучение ткацкой отрасли и ее представителей в средневековой Англии [Lee 2018]. Заключительная группа включает работы исследователей, которые анализируют английские завещания и практику дарения одежды в них. В одних работах завещания рассматриваются как инструмент для анализа положения жизни в Лондоне [Булаева 2020, Staples 2008, Bushby 2019], а в других фокус отводится исследованию значения подаренных предметов [Андерсон 2006, Мосолкина 2017, Burgess 1987, Crawford 2016, Salter 2016].

Все эти исследования показывают, что анализ предметов одежды в завещаниях является довольно востребованным в среде историков. Однако важно заметить, что почти во всех рассмотренных работах внимание сосредоточено преимущественно на завещаниях XV в. Настоящая работа предлагает обратиться к актам наследования XIV в., поскольку к этому времени заканчивается формирование сословия горожан, а у купцов и ремесленников появляются средства, которые они охотно вкладывают в свой костюм [Мосолкина 2017, с. 199]. Помимо этого, происходят перемены в сознании людей, проявляющиеся в постепенном росте индивидуализма и связанной с ним установке на обогащение; одним из маркеров этой установки как раз и выступает одежда. [Праздников 2007, с. 147]. Как минимум эти факты делают изучение одежды XIV столетия ценной и

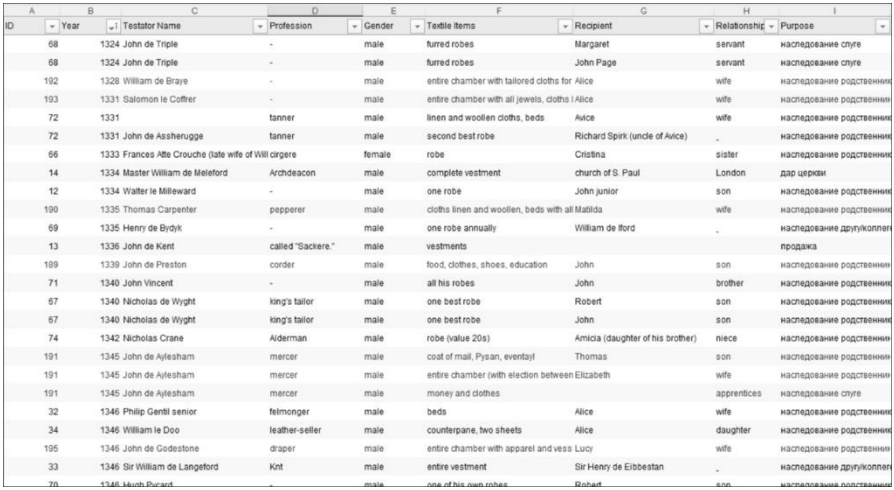
актуальной задачей. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка выявить, о чем свидетельствует практика дарения одежды и текстиля в качестве объекта наследования в завещаниях англичан XIV в.

В качестве источников были использованы завещания англичан, обращавшихся в лондонский городской суд Хастинга, в который горожане приходили для урегулирования имущественных споров и составления посмертных распоряжений. В этом суде сохранились самые ранние завещания лондонцев (начиная с 1258 г.), которые были систематизированы и изданы в двух томах историком Р.Р. Шарпом в 1889–1890 гг., а затем оцифрованы онлайн-архивом Британской истории (British History Online)[1]. Основную массу завещателей составляли обеспеченные горожане, занимавшиеся ремеслом и торговлей, а также имевшие в собственности недвижимое имущество. Небольшая часть завещаний принадлежала церковным служащим и рыцарям (9,9% от общего числа завещателей). Все завещания в основном следуют единому образцу. Завещание открывается указаниями о том, в какой церкви и как похоронить человека (иногда – во что должно быть облачено тело), затем следуют отказы вещей в пользу церкви, а далее – часть, в которой имущество распределяется между родственниками и знакомыми. Упоминание предметов одежды может встречаться как в первой части завещания, в виде дара церкви или беднякам, так и во второй, когда вещи передаются конкретным адресатам.

В ходе исследования было отобрано 193 документа за 1301–1400 гг., в которых упоминались одежда и текстильные изделия – покрывала, гобелены, ткани и пр. Поиск производился по ключевым словам: vestments, cloth, robe, tunic, coat, surcoat, hood и т.д. При этом поиск не проводился по словам, обозначающим домашний текстиль как, например, простыни (sheets), поскольку

[1] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

эти вещи в большинстве случаев сопровождали упоминания одежды и рассматривались как сопутствующая категория к одежде. На базе отобранных завещаний была составлена таблица, в которую были внесены данные из каждого акта о годе, имени завещателя, его профессии, завещанном предмете гардероба, адресате вещи, статусе взаимоотношений и функции дара.

ID	Year	Testator Name	Profession	Gender	Textile items	Recipient	Relationship	Purpose
68	1324	John de Triple	-	male	furred robes	Margaret	servant	наследование слуге
68	1324	John de Triple	-	male	furred robes	John Page	servant	наследование слуге
192	1328	William de Braye	-	male	entire chamber with tailored cloths for	Alice	wife	наследование родственни
193	1331	Salomon le Coffrer	-	male	entire chamber with all jewels, cloths i	Alice	wife	наследование родственни
72	1331		tanner	male	linen and woollen cloths, beds	Avice	wife	наследование родственни
72	1331	John de Assherugge	tanner	male	second best robe	Richard Spirk (uncle of Avice)	-	наследование родственни
66	1333	Frances Atte Crouche (late wife of Will	cirgere	female	robe	Cristina	sister	наследование родственни
14	1334	Master William de Meleford	Archdeacon	male	complete vestment	church of S. Paul	London	дар церкви
12	1334	Walter le Milleward	-	male	one robe	John junior	son	наследование родственни
190	1335	Thomas Carpenter	pepperer	male	cloths linen and woollen, beds with all	Matilda	wife	наследование родственни
69	1335	Henry de Bydyk	-	male	one robe annually	William de Ilford	-	наследование другуюkonner
13	1336	John de Kent	called "Sackere."	male	vestments			продажа
189	1339	John de Preston	corder	male	food, clothes, shoes, education	John	son	наследование родственни
71	1340	John Vincent	-	male	all his robes	John	brother	наследование родственни
67	1340	Nicholas de Wyght	king's tailor	male	one best robe	Robert	son	наследование родственни
67	1340	Nicholas de Wyght	king's tailor	male	one best robe	John	son	наследование родственни
74	1342	Nicholas Crane	Alderman	male	robe (value 20s)	Amicia (daughter of his brother)	niece	наследование родственни
191	1345	John de Aylesham	mercer	male	coat of mail, Pysan, eventayl	Thomas	son	наследование родственни
191	1345	John de Aylesham	mercer	male	entire chamber (with election between	Elizabeth	wife	наследование родственни
191	1345	John de Aylesham	mercer	male	money and clothes		apprentices	наследование слуге
32	1346	Philip Gentil senior	felmonger	male	beds	Alice	wife	наследование родственни
34	1346	William le Doo	leather-seller	male	counterpane, two sheets	Alice	daughter	наследование родственни
195	1346	John de Godestone	draper	male	entire chamber with apparel and vess	Lucy	wife	наследование родственни
33	1346	Sir William de Langeford	Knt	male	entire vestment	Sir Henry de Elbbestan	-	наследование другуюkonner
70	1346	Hugh Pycard	-	male	one of his own robes	Robert	son	наследование родственни

Рисунок 1 Таблица составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[2]. Завещания, в которых упоминается одежда и предметы текстиля.

Рассмотрение практик завещания одежды невозможно без понимания исторического контекста XIV столетия. Многие исследователи характеризуют этот век как время глубокого кризиса, проявившегося в первую очередь в природных катаклизмах, приведших к голоду 1315–1317 гг., когда Северная Европа лишилась до четверти населения [Кокорева 2024, с. 204], а также в одной из самых смертоносных эпидемий чумы – «Черной смерти», унесшей, по разным оценкам, от 30 до 50% населения [Колганова

[2] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

2022, с. 86]. Как отмечает Ж.Д. Делюмо, такая депопуляция обусловила нехватку рабочей силы и рост заработных плат, что обеспечило повышение среднего дохода на душу населения [Делюмо 2006, с.79]. Однако в то же время можно предположить, что вместе с доходами росли и расходы, поскольку потеря трети населения повлекла за собой рост цен и давление налогового гнета [Pirenne 2015, p. 192].

Английское королевство столкнулось с чумой в 1348 г. Вспышки заболевания с разной интенсивностью возвращались до 1485 г. не менее 30 раз, спровоцировав значительное сокращение населения [Праздников 2007, с. 44–45]. Последствия чумы усугублялись изменениями климата и неурожаями [Lee 2018, p. 5]. Только на первую половину XIV в. пришлось 8 неурожайных лет, в то время как за весь XIII в. было зафиксировано только 4 года с низкой урожайностью [Делюмо 2006, с. 77]. К природным бедствиям добавились политические и экономические потрясения, такие как Столетняя война, начавшаяся в 1337 г., и экономический кризис в Италии, где в первой половине XIV в. обанкротилось несколько крупных банков [Делюмо 2006, с. 71]. В совокупности эти факторы усугубили социальные проблемы, проявившиеся в волнениях по всей Западной Европе в последней четверти XIV в. [Pirenne 2015, p. 193; Делюмо 2006, с. 71].

Однако, несмотря на перечисленные процессы, XIV столетие осмысливается и как эпоха подъема производительных сил и зарождения раннекапиталистических отношений в городах, где ремесло и торговля достигли нового уровня [Сванидзе 2013, с. 188]. К середине XIV в. в Англии окончательно оформилось сословие горожан, обладающее собственными органами власти, судами и привилегиями [Мосолкина 2017, с. 151–152], а также сложилась сеть городов, рынков и кредитных учреждений [Lee 2018, p. 6].

Поскольку изучаемые в настоящей работе завещания принадлежат торгово-ремесленной части населения, важно охарактеризовать именно ее. Несмотря на депопуляцию после чумы, английское общество сохраняло предпринимательский уклад, а изменение христианской морали в условиях урбанизации способствовало повышению престижа торговли и социального

статуса купечества [Делюмо 2006, с. 152] – об этом свидетельствует, например, поступление младших детей из дворянских семей учениками в торговые гильдии [Мосолкина 2017, с. 187].

Гильдейские объединения, создававшиеся для расширения торговых прав, были важным институтом для английских горожан [Чернова 2016, с. 64]. К середине XIV столетия в крупных английских городах насчитывалось около 40–50 торговых гильдий, а в Лондоне их число выросло с 48 в 1377 г. до 60–75 к концу века [Праздников 2007, с. 38]. Ценность гильдий заключалась не только в экономической выгоде, но и в формировании социальной общности, необходимой для утверждения человека в общественной среде. Однако примерно с середины века начинается процесс «закрытия цехов», характеризующийся снижением круга лиц, которые могли получить статус полноправного мастера [Мосолкина 2017, с. 152]. По сравнению с XIII в. эта доля значительно сократилась, что нашло свое отражение в активизации процессов социальной дифференциации и имущественного расслоения. Именно в этом пространстве различий одежда становится одним из важных элементов общественной жизни.

Формирование моды большинство исследователей относит к периоду 1350-х гг., связывая это с изменением кроя, появлением облегающих силуэтов и четкого разделения мужской и женской одежды [Липовецкий 2012, с. 70]. В то же время существуют работы, в которых утверждается о более раннем зарождении моды в рыцарской среде [Пастуро 2001, с. 110]. М. Гурьянова оспаривает этот тезис, указывая на локальный характер особого отношения к костюму [Гурьянова 2023, с. 27]. В целом, согласно общему тренду, система моды появляется именно в середине XIV в. В настоящей статье феномен моды представляет интерес прежде всего в связи с повышением значимости одежды в системе ценностей людей.

С одной стороны, на одежду смотрят как на предмет, который обезличивает, скрывая физическое тело за социальным [Douglas 1996, p. 80]. С другой стороны, одежда придает телу смысл, объединяя физическое и социальное [Jones, Stallybrass 2000, p. 2–4]. В городской среде, где все четче вырисовывается фигура «Другого», одежда становится главным маркером статуса и своеобразной

униформой [Гурьянова 2023, с. 24; Ле Гофф 2005, с. 435]. В торгово-ремесленной среде одежда не только маркировала принадлежность к своей группе, но и служила инструментом формирования социального статуса, позволяя горожанам выходить за рамки сословных предписаний. Как отмечают современные исследователи, одежда «придает характер тому, что раньше его не имело» [Jones, Stallybrass 2000, p. 4]. Реакцией на это стал рост нормативных актов с попытками контролировать ношение «правильной» одежды, а также появление сатирических произведений о слишком нарядных слугах [Crawford 2016, p. 158]. Одновременно с этим ткацкая отрасль выходит на передовые позиции по числу занятых в профессии и стоимости продукции [Lee 2018, pp. 2], а рост уровня жизни после чумы позволял большому числу горожан покупать качественные ткани, подражая в роскоши своего гардероба аристократии [Мосолкина 2017, с. 191]. Таким образом, несмотря на кризисы, XIV в. становится временем роста покупательной способности горожан, а одежда и текстиль перестают быть только прикладными предметами, превращаясь в маркер статуса, инструмент идентификации и способ заявить о своем положении в публичном пространстве города.

A	B
Profession	COUNTA of F
fishmonger	13
draper	9
vintner	7
mercer	6
pepperer	6
Rector	6
clerk	5
skinner	4
tailor	4
goldsmith	4

Рисунок 2. Таблица составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[3]. Распределение завещаний с текстильными предметами по профессиональной деятельности.

[3] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026);

Как было упомянуто выше, анализ строится вокруг 193 завещаний Хастингского суда, содержащих указания о передаче текстильных предметов. Преимущественно завещания принадлежали торговцам и мастерам, бесспорными лидерами среди которых по количеству актов с упоминанием одежды были рыботорговцы – 13 завещаний за весь рассматриваемый период. Их количественное преимущество объясняется тем, что рыба регулярно пользовалась большим спросом из-за частых постных дней [Булаева 2020, с. 48]. Далее по убыванию шли производители ткани, виноторговцы, торговцы перцем, кожевники, торговцы тканью, портные, ювелиры и прочие (см. Рис. 2). Среди неремесленных профессий выделяются ответственные за сбор десятины и отвечающие за ведение протоколов заседаний совета. Остальные профессии представлены единичными актами.

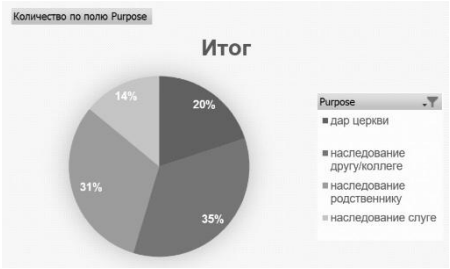

Рисунок 3. Диаграмма составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[4]. Гендерное распределение завещателей

В основном завещания принадлежали мужчинам, однако было немало и женских завещаний: вдов, бывших жен, дочерей, унаследовавших имущество, а иногда и профессию своих мужей

Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

[4] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

или отцов. Всего было выявлено 35 женских завещаний (23%) (см. Рис. 3). Это довольно большой показатель, поскольку из исследования К.К. Степлс известно, что в 1400–1500 гг. меньше 10% завещаний принадлежало женщинам [Staples 2008, p. 240]. Вероятно, это может быть связано с процессом ужесточения требований попадания в ряды торговцев, о которых упоминалось выше.

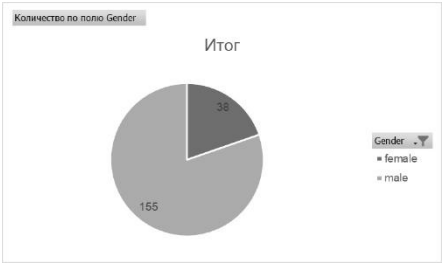

Рисунок 4. Диаграмма составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[5]. Категории получателей одежды

Среди предметов чаще всего завещали ткань для последующего пошива (72 упоминания). Вторым по частоте текстильным предметом (64 упоминания) было платье (robe). Оно скорее всего состояло из нескольких частей. Для мужчин оно включало в себя тунику и накидку поверх нее, а для женщин нижнее платье, а также верхнюю мантию. Отдельные туники встречались 59 раз, что соотносится с завещательной тенденцией Швеции в XIII–XV вв., где значительно преобладали завещания туникообразной одежды [Андерсон 2006, с. 2]. Плащи и церковные облачения зафиксированы 34 и 46 раз соответственно.

Одной из важнейших частей завещания является указание лиц, которым завещалось имущество. На основе представленной выборки были выделены четыре категории получателей: родственники (31% упоминаний), друзья/коллеги (35%), слуги

[5] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

(14%) и церковь (20%) (см. Рис. 4). Как видно из процентного соотношения, самым частым выбором была передача вещей родственникам или коллегам. Заметное различие в категориях завещанной одежды между разными родственниками наблюдается лишь применительно к супругам завещателей. Жены обычно получали набор текстиля, относящийся к постельному белью, ткань или некую совокупность одежды без перечисления конкретных элементов. Исключение составляют только два завещания – Джона Салесбури (John de Salesburi)[6] и Джона Хамонда (John Hamond)[7], которые передали своим супругам платья. Важно также заметить, что одежда в принципе передавалась ближайшим родственникам, тогда как в уже упомянутой средневековой Швеции одежда в завещаниях по большей части дарилась только дальнему кругу родственников [Андерсон 2006, с. 5].

Коллегам или друзьям передавалась конкретная одежда, обычно с описанием ее свойств. Дарения коллегам можно интерпретировать как проявление принципа «одаривая, отдают себя» [Гурьянова 2023, с. 31], что демонстрирует тесные взаимоотношения между торговцами, а иногда и между их семьями. Однако в этих актах можно увидеть не столько проявление дружеской привязанности, сколько демонстрацию своего социального веса внутри корпорации, которая проявлялась в выборе получателя и качества отдаваемой вещи. Здесь уместно вспомнить концепцию дара М. Мосса, согласно которой дарение устанавливает связи между коллективами и необходимо для поддерживания или повышения социального статуса[8].

Передача одежды слугам представляется одной из наиболее интересных статей в завещаниях. Из всех упоминаний одежды

---

[6] Will of Salesburi (John, son of Adam de, late pepperer) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 24 Edward III (1350-1). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp624-645 (дата обращения: 12.07.2026).

[7] Will of Hamond (John) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 23 Edward III (part 1 of 2). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp512-578 (дата обращения: 12.07.2026).

[8] Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 203.

подчиненные фигурировали в 14% случаев. Это достаточно много с учетом того факта, что передаваемые элементы гардероба были не последнего качества. Так, Тройной Джон (John de Triple) завещал своему слуге платья с мехом, который считался элементом роскоши[9]. А Уильям Биркинге (William de Berkyngge) завещал свое лучшее платье подмастерью[10]. Важно отметить, что подмастерья определенно не являются слугами в прямом значении этого слова, однако они находились под патронажем крупных ремесленников, что позволило отнести их к той же категории получателей.

Выбор слуг как получателей качественной одежды важен тем, что может свидетельствовать о расширении «социального тела» – образа, который человек транслирует в обществе через внешние формы, в том числе через одежду [Douglas 1996, p. 72]. В Средние века проявление «социального тела» стремились контролировать, поскольку современники с большой настороженностью относились к тому, насколько правомерно человек использует те или иные виды одежды, и следили за соответствием костюма статусу владельца в обществе [Crawford 2016, p. 158]. Таким образом, когда завещатель передавал одежду своему слуге, он даровал ему и часть своей индивидуальности [Salter 2016, p. 182], что в определенной мере размывало сословные границы средневекового общества. Кроме того, передача одежды сверху вниз по социальной лестнице могла укреплять и существующую иерархию, поскольку такой дар подтверждал статус служения [Гурьянова 2023, с. 31].

Последняя выделенная категория – это завещания одежды и текстиля в пользу церкви. В эту же группу были отнесены акты, в которых тканевые вещи передаются бедным или упоминаются как необходимые облачения для похорон. В основном бедным оставляли куски ткани, но в некоторых случаях встречались и готовые вещи – например, в завещании Роджера Ланта (Roger Lunt),

[9] Will of Triple (John de) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 18 Edward II (1324–5). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp308-315 (дата обращения: 12.07.2026)

[10] Berkyngge (William de) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 28 Edward III (1354–5). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp675-684 (дата обращения: 12.07.2026)

который оставил бедным плащи с капюшонами[11]. Хотя церковные облачения были одним из самых часто упоминаемых категорий вещей, в целом дарение одежды церкви не было преобладающей тенденцией, но оставалось частью практики «отмаливания грехов» [Burgess 1987, p. 838].

Важно проследить динамику завещаний с упоминанием вещей из текстиля. Под динамикой в данном случае понимается изменение количества таких завещаний по годам (см. Рис. 5).

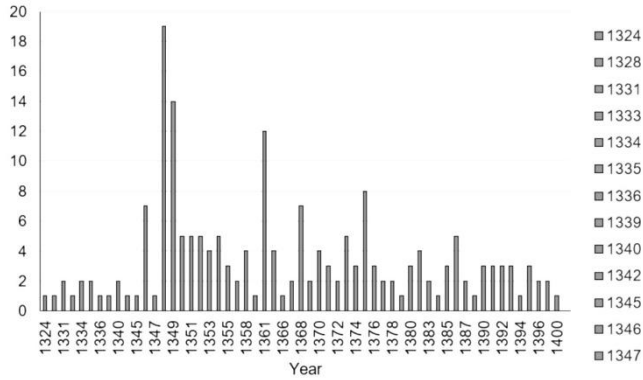

Рисунок 5. Диаграмма составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[12]. Количество завещаний с упоминанием одежды и текстиля в конкретные года рассматриваемого периода.

Практика передачи одежды и предметов текстиля не была распространенной. В 89,5% всех рассмотренных лет количество упоминаний одежды не превышает пяти завещаний в год. Исключения составляют годы чумы (1348 г. – 19 актов, 1349 г. – 14,

[11] Will of Lunt (Roger) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 11 Richard II (1387–8). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp261-269 (дата обращения: 12.07.2026)

[12] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

1361 г. – 12, 1375 г. – 8, 1346 г. и 1368 г. – 7 актов в оба года). Это позволяет предположить, что рост числа таких актов связан не столько с возросшей ценностью одежды, сколько с общим ростом смертности или страхом скорой смерти.

Однако было бы ошибочно сводить динамику упоминаний одежды исключительно к эпидемическим всплескам. Из той же сводной таблицы видно, что на хронологический промежуток 1324–1350 гг. пришлось только 16 лет (32% от 50 лет), в которых были завещательные акты с упоминанием текстильных предметов. Во второй половине века количество лет увеличилось до 41 года (82%). Даже если исключить годы эпидемий, завещания, где фигурировала одежда, стали фиксироваться более чем в два раза чаще. Это вряд ли может быть связано с общим ростом завещательной практики, поскольку по данным А. Бушби, самый активный период регистрации завещаний приходится на 1290–1385 гг., а самые заметные скачки роста были отмечены в 1307 г. и 1328 г. [Bushby 2019, p. 19]. Однако датированное упоминание одежды появляется только в 1324 г. – оно связано с актом уже упомянутого Тройного Джона (John de Triple). Таким образом, появление текстиля в завещательных актах никак не соотносится с приведенными годами.

Рост числа завещаний, в которых упоминается одежда, во второй половине века можно объяснить двумя причинами. Первая связана с развитием текстильной промышленности: после 1350-х гг. ткачество становится ключевой отраслью английской промышленности, суконное ремесло развивается как в городах, так и в сельской местности, растет импорт тканей и расширяется рынок текстиля внутри самой Англии [Lee 2018, p. 9–10]. Вторая причина может быть вызвана постепенным повышением ценности одежды в сознании горожан. Складывающаяся в середине века система моды, делает костюм значимым активом. Хотя мода предполагает быструю смену стилей, завещание предметов текстиля сохраняло и, вероятно, повышало свою значимость: завещатель передавал не «вышедшую из моды вещь», а одежду, которая сохраняла свою материальную и символическую ценность долгие годы. Более того, ткани, особенно шерстяные, были высокого качества и сохраняли пригодность, а, значит, их можно было при необходимости

перешить, изменив фасон в соответствии с новыми требованиями моды. Это позволяет говорить о влиянии моды на рост значимости одежды в завещаниях. Разумеется, сделанные выводы носят предварительный характер и неизбежно предполагают дальнейшее изучение источников по данной проблеме как в отношении более детального исследования самих текстов завещательных распоряжений (в частности, неявных обозначений одежды или же соседства упоминаний одежды с иным завещаемым имуществом), так и в отношении социального контекста, к которому относятся эти завещания.

Подводя итог, следует отметить, что XIV в., невзирая на масштабные кризисы, был отмечен развитием городской жизни и укреплением позиций торгово-ремесленной части населения, для которой в условиях активного процесса социального расслоения одежда и текстиль становились не просто предметами гардероба и домашнего обихода, а инструментами социальной репрезентации и показателем статуса. Распределение текстильных вещей в завещаниях демонстрирует разные виды социальных связей. Во-первых, дарение вещей отражало межличностные отношения, показывая привязанность завещателя к конкретным людям через передачу дорогого имущества (как в экономическом, так и в мемориальном смысле). Во-вторых, завещание одежды не только демонстрировало статус человека через качество и богатство костюма, но и показывало, кому из своей корпорации он готов передать эти знаки отличия, тем самым публично обозначая степень близости и доверия. В-третьих, передача одежды в пользу слуг несла двойной смысл. С одной стороны, она могла свидетельствовать о поддержании существующей иерархии, в которой «господин» проецирует свою идентичность на подчиненного. С другой стороны, дарение «костюма не по статусу» могло указывать на относительную деконструкцию социальной дифференциации, размывая жесткие сословные границы через личный акт завещания. Кроме того, вещи могли выступать в роли гаранта спасения души. Динамика упоминаний одежды выявляет несколько тенденций: зависимость роста числа завещаний от кризисов, таких как вспышки чумы, и устойчивый рост во второй половине XIV в., связанный либо с расширением текстильного

рынка, либо с зарождением моды, повысившей значение костюма. Таким образом, практика дарения одежды как объекта наследования в завещаниях англичан XIV в. показывает, что предметы текстиля не были только утилитарным имуществом, а являлись многофункциональным социальным инструментом.

ЛИТЕРАТУРА

Андерссон 2006 – *Андерссон Е.* Одежда в средневековых завещаниях в Швеции, 1200–1420 гг. 2006. С. 1–6. URL: https://www.studmed.ru/andersson-e-odezhda-v-srednevekovyh-zaveschaniyah-shvecii-1200-1420-g_067e94a431f.html (дата обращения: 23.09.2026).

Бродель 2007 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007. 592 с.

Булаева 2020 – *Булаева М.Н.* Социальный облик Лондона XIV века через призму завещаний // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 47–57.

Гурьянова 2023 – *Гурьянова М.* Трансгрессия в моде. От нарушения к норме. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 144 с.

Делюмо 2006 – *Делюмо Ж.* Цивилизация Возрождения. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 720 с.

Кокорева 2024 – *Кокорева Е.Б.* Влияние эпидемии Черной смерти на дестабилизацию европейского общества // Социология. 2024. № 6. С. 204–209.

Колганова 2022 – *Колганова В.А.* Пандемия чумы середины XIV в. в Европе: Актуальные проблемы современной историографии // Ученые записи федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 8. № 4. С. 86–103.

Ле Гофф 2005 – *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.

Леонова 2020 – *Леонова Т.А.* «Клирик должен выглядеть согласно своему статусу»: визуальная социализация приходского

духовенства средневековой Англии // Религия. Церковь. Общество. 2020. Вып. IX. С. 216–231.

Липовецкий 2012 – *Липовецкий Ж.* Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.

Мосолкина 2017 – *Мосолкина Т.В.* Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.

Пастуро 2001 – *Пастуро М.* Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей круглого стола. М.: Молодая гвардия. 2001. 239 с.

Праздников 2007 — *Праздников А.Г.* Английский город XIV–XV веков: социальная структура и менталитет. Киров: Изд-во ВятГУ, 2007. 204 с.

Репина 1979 – *Репина Л.П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М.: Наука, 1979. 218 с.

Савчинский, Ильичев, Ситало 2018 – *Савчинский В.Э., Ильичев А.В., Ситало М.С.* Возникновение и развитие повседневной английской одежды в эпоху средних веков (VII–XV) // Парадигмы истории и общественного развития. Вып. 11. Севастополь: СевГУ, 2018. С. 50–57.

Сванидзе 2013 – *Сванидзе А.А.* Грани Средневековья: Калейдоскоп. М.: Новый Хронограф, 2013. 416 с.

Чернова 2016 – *Чернова Л.Н.* Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.

Burgess 1987 – *Burgess C.* "By Quick and by Dead": Wills and Pious Provision in Late Medieval Bristol // The English Historical Review. 1987. Vol. 102. № 405. P. 837–858.

Bushby 2019 – *Bushby A.* "Demographic Patterns in Medieval London Inferred from Wills Probated in the Court of Husting, 1259–1688" Master's thesis, McMaster University, 2019. 82 p.

Crawford 1996 – *Crawford J.* Clothing Distributions and Social Relations c. 1350–1500 // Clothing Culture, 1350–1650 / ed. by C. Richardson. London: Routledge, 2016. P. 153–165.

Douglas 1996 – *Douglas M.* Natural Symbols: Explorations in cosmology. London and New York: Routledge, 1996. 183 p.

Jones, Stallybrass 2000 – *Jones A.R., Stallybrass P.* Renaissance Clothing and the Materials of Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 368 p.

Lee 2015 – *Lee J.S.* The Medieval Clothier. Woodbridge: Boydell Press, 2018. 365 p.

Pirenne H. – *Pirenne H.* Economic and Social History of Medieval Europe. London: Routledge, 2015. 264 p.

Salter 2016 – *Salter E.* Reworked Material: Discourses of Clothing Culture in Early Sixteenth-Century Greenwich // Clothing Culture, 1350–1650 / ed. by C. Richardson. London: Routledge, 2016. P. 179–195.

Staples 2008 – *Staples K.K.* Identifying Women Proprietors in Wills from Fifteenth-Century London // Early Modern Women. 2008. Vol. 3. P. 239–243.

REFERENCES

Andersson, E. (2006), *Odezhda v srednevekovykh zaveshchaniyakh v Shvetsii, 1200–1420 gg.* [Clothing in Medieval Wills in Sweden, 1200–1420], available at: https://www.studmed.ru/andersson-e-odezhda-v-srednevekovyh-zaveschaniyah-shvecii-1200-1420-g_067e94a431f.html (Accessed 23 September 2026).

Braudel, F. (2007), *Material'naya civilizaciya, ehkonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle], Ves' Mir, Moscow, Russia.

Bulaeva, M.N. (2020), "The Social Image of 14th-Century London through the Prism of Wills", *Izvestiya Saratovskogo universiteta, History. International Relations*, vol. 20, no. 1, pp. 47–57.

Burgess, C. (1987), "By Quick and by Dead: Wills and Pious Provision in Late Medieval Bristol", *The English Historical Review*, vol. 102, no. 405, pp. 837–858.

Bushby, A. (2019), *Demographic Patterns in Medieval London Inferred from Wills Probated in the Court of Husting, 1259–1688*, Master's Thesis, McMaster University, Hamilton, Canada.

Chernova, L.N. (2016), *Pod sen'yu Svyatogo Pavla: delovoj mir Londona XIV–XVI vv.* [Under the Shadow of St. Paul's: The Business World of

London in the XIV–XVI Centuries], Centr gumanitarnyh iniciativ, Moscow; St. Petersburg, Russia.

Crawford, J. (2016), "Clothing Distributions and Social Relations c. 1350–1500"*, Clothing Culture, 1350–1650*, in Richardson, C. (ed.), Routledge, London, UK, pp. 153–165.

Delumeau, J. (2006), *Civilizaciya Vozrozhdeniya* [Le civilisation de la renaissance], U-Faktoriya, Yekaterinburg, Russia.

Douglas, M. (1996), *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*, Routledge, London and New York, UK/USA.

Gur'yanova, M. (2023), *Transgressiya v mode. Ot narusheniya k norme* [Transgression in Fashion: From Violation to Norm], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Jones, A.R. and Stallybrass, P. (2000), *Renaissance Clothing and the Materials of Memory*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kokoreva, E.B. (2024), "Vliyanie ehpidemii Chernoj smerti na destabilizaciyu evropejskogo obshchestva", *Sociology*, no. 6, pp. 204–209.

Kolganova, V.A. (2022), "The Plague Pandemic of the Mid-14th Century in Europe: Current Problems of Modern Historiography", *Uchenye zapisi federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya "Istoricheskie nauki"*, vol. 8, no. 4, pp. 86–103.

Le Goff, J. (2005), *Civilizaciya srednevekovogo* Zapada [La civilization de l'occident medieval], U-Faktoriya, Yekaterinburg, Russia.

Lee, J. S. (2018), *The Medieval Clothier*, Boydell Press, Woodbridge, UK.

Leonova, T.A. (2020), " 'A Cleric Must Look According to His Status': Visual Socialization of the Parish Clergy in Medieval England", *Religion. Church. Society*, vol. IX, pp. 216–231.

Lipoveckij, G. (2012), *Imperiya ehfemernogo. Moda i ee sud'ba v sovremennom obshchestve* [L'empire de l'éphémère: la mode et son destin dans les sociétés modernes], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Mosolkina, T.V. (2017), *Social'naya istoriya Anglii XIV– XVII vv.* [Social History of England in the XIV– XVII Centuries], Centr gumanitarnyh iniciativ, Moscow; St. Petersburg, Russia.

Pastoureau, M. (2001), *Povsednevnaya zhizn' Francii i Anglii vo vremena rycarej kruglogo stola* [La Vie Quotidienne en France et Angleterre au

Temps des Chevaliers de la Table Ronde], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

Pirenne, H. (2015), *Economic and Social History of Medieval Europe*, Routledge, London, UK.

Prazdnikov, A.G. (2007), *Anglijskij gorod XIV–XV vekov: social'naya struktura i mentalitet* [The English City of the XIV–XV centuries: Social Structure and Mentality], Izdatel'stvo VyatGU, Kirov, Russia.

Repina, L.P. (1979), *Soslovie gorozhan i feodal'noe gosudarstvo v Anglii XIV v.* [The Estate of Townspeople and the Feudal State in England in the 14th Century], Nauka, Moscow, Russia.

Salter, E. (2016), "Reworked Material: Discourses of Clothing Culture in Early Sixteenth-Century Greenwich", *Clothing Culture, 1350–1650*, in Richardson, C. (ed.), Routledge, London, UK, pp. 179–195.

Savchinskij, V.E., Il'ichev, A.V. and Sitalo, M.S. (2018), *Vozniknovenie i razvitie povsednevnoi angliiskoi odezhdy v ehpokhu srednikh vekov (VII–XV)* [The Emergence and Development of Casual English Clothing in the Middle Ages (VII–XV)], in *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya* [Paradigms of History and Social Development], Sevastopol State University Publ., Sevastopol, no. 11, pp. 50–57.

Staples, K.K. (2008), "Identifying Women Proprietors in Wills from Fifteenth-Century London", *Early Modern Women*, vol. 3, pp. 239–243.

Svanidze, A.A. (2013), *Grani Srednevekov'ya: Kalejdoskop* [Facets of the Middle Ages: A Kaleidoscope], Novyj Khronograf, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Софья Б. Курская, студентка бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург», Санкт-Петербург, Россия; 190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; sb.kurskaia@edu.hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia B. Kurskaia, bachelor student, National Research University "Higher school of economics – Saint Petersburg", Saint Petersburg, Russia; bld. 16, Soyuza Pechatnikov Street, St. Petersburg, Russia, 190121; sb.kurskaia@edu.hse.ru

Поступила в редакцию: 14.07.2026
Поступила рецензия: 05.08.2026
Принята к публикации: 18.08.2026